

УДК 930.1:316.42

Исторический факт: онто-гносеологическое измерение и символический потенциал

Слемнев М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Историческое прошлое играет важную роль в организации жизнедеятельности людей в настоящем и выборе путей их движения в будущее. основополагающими элементами социо-исторической реальности являются события той или иной общественной значимости. Они выступают в качестве референтов исторических фактов, выраженных в различных формах вербального и невербального дискурса.

Цель статьи – раскрыть онто-гносеологическую природу исторических фактов и выявить их семантические возможности для конструирования национальных символов как эффективного синергетического фактора развития общества.

Материал и методы. *Материалом исследования выступает исторический факт, рассматриваемый в виде сложного онто-гносеологического и социокультурного явления. Применялись традиционные общелогические и теоретические методы познания: абстрагирование, обобщение, интерпретация, анализ и синтез, идеализация и др.*

Результаты и их обсуждение. *Целостный исторический факт представляет собой органическое единство онтологической и гносеологической проекций познаваемых событий прошлого. При его интерпретации необходимо учитывать экзистенциально-ценностные ориентиры участников социальных действий. Это особенно важно для формирования национальных символов на основе историографического материала.*

Заключение. *Исторические события после их фиксации и последующей интерпретации и репрезентации превращаются в «упрямые» научные факты. При наличии добротной знаково-символической упаковки они могут успешно выполнять интеграционные, мобилизующие и ценностно-ориентирующие функции.*

Ключевые слова: историческое событие, исторический факт, символ, интерпретация, репрезентация.

(Ученые записки. – 2018. – Том 26. – С. 142–147)

The Historic Fact: Onto-Gnoseological Measure and Symbolic Potential

Slemnev M.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The historic past plays an important role in the organization of people's life at present and the choice of the ways of their movement into the future. The fundamental elements of the social and historic reality are events of this or that social significance. They are the references of historic facts which are expressed in different forms of verbal and non-verbal discourse.

The purpose of the article is to reveal the onto-gnoseological nature of historic facts and find out their semantic possibilities for constructing national symbols as an efficient synergic factor of social development.

Material and methods. *The research material is the historic fact which is considered as a complex onto-gnoseological and social and cultural phenomenon. Traditional general logical as well as theoretical methods of cognition were used: abstraction, generalization, interpretation, analysis and synthesis, idealization etc.*

Findings and their discussion. *A wholesome historic fact is organic unity of ontological and gnoseological projections of the cognized events of the past. In its interpretation it is necessary to take into account existential and value landmarks of the participants of social actions. It is especially important for shaping national symbols on the basis of historiography material.*

Conclusion. *Historic event after their fixation and further interpretation and representation turn into «stubborn» scientific facts. Having substantial sign and symbol package they can successfully perform integration, mobilizing and value orienting functions.*

Key words: a historic event, a historic fact, symbol, interpretation, representation.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 26. – P. 142–147)

Адрес для корреспонденции: e-mail: mihail_slemnev@mail.ru – М.А. Слемнев

Историческое прошлое играет важную роль в организации жизнедеятельности людей в настоящем и выборе путей их движения в будущее. Основополагающими элементами социо-исторической реальности являются события той или иной общественной значимости. Они выступают в качестве референтов исторических фактов, выраженных в различных формах вербального и невербального дискурса.

Цель статьи – раскрыть онто-гносеологическую природу исторических фактов и выявить их семантические возможности для конструирования национальных символов как эффективного синергетического фактора развития общества.

Материал и методы. Материалом исследования выступает исторический факт, рассматриваемый в виде сложного онто-гносеологического и социокультурного явления. Применялись традиционные общелогические и теоретические методы познания: абстрагирование, обобщение, интерпретация, анализ и синтез, идеализация и др.

Результаты и их обсуждение. Понятие «исторический факт» употребляется в разных значениях [1]. Отсутствие четкой экспликации последних затрудняет аутентичное прочтение и последующую трансляцию многих текстов. Во избежание языковой путаницы выделим три близких, но в то же время имеющих свою специфику, значения анализируемого концепта.

1. Исторический факт понимается как нечто уже случившееся, свершившееся, произошедшее в динамичной социальной реальности (факт 1). Это какое-то социальное событие, которое, если воспользоваться языком М. Хайдеггера, есть основная форма взаимодействия бытия сущего и времени, онтологически первичный, необратимый и неустраняемый акт их «взаимовручения» друг другу [2, с. 403]. Становясь постепенно историческим прошлым, конкретное событие может стать объектом пристального внимания со стороны как обыденного, так и научного сознания. Но оно может остаться незамеченным и предаться забвению. Многое здесь зависит от его влияния на функционирование и развитие общества. Однако в любом случае это не меняет бытийного статуса факта 1: в социуме появился новый онтологический феномен, вошедший в топологически-темпоральный континуум в качестве устойчивого, безусловного, инвариантного компонента. Никакими субъективными усилиями отменить его нельзя, равно как и повторить в том же виде в новом хронотопе.

2. Исторический факт трактуется как эмпирический, описательный, беспристрастный, насколько это возможно, холодно-протокольный, документальный образ исторического события в его феноменологической данности, внешней бытийности (факт 2). В факте 2 (его иногда име-

ную фактом «исторического источника») фиксируются место и время возникновения события, обосновывается достоверность случившегося, указываются его топологические границы, продолжительность протекания, участники социальных действий и т.п. Описательно-информационная часть исторического факта 2 проверяется и уточняется, в нее вносятся коррективы, включаются дополнительные, вновь обнаруженные сведения. При этом, чем длиннее временная дистанция между прошлым и настоящим, тем более сложной оказывается процедура реконструкции эмпирического слоя исторического события.

Индивидуальная память о минувшем при активном участии властного исторического дискурса со временем превращается в коллективную, обрастая различными домыслами, а часто и мифологизируется. «Общество, – отмечал Х. Хальбвакс, – обязывает людей время от времени не просто мысленно воспроизводить прежние события своей жизни, но также и ретушировать их, подчищать и дополнять, с тем, чтобы мы ... приписывали им обаяние, каким не обладала реальность» [3, с. 151]. Некоторые же важные мемориальные материалы либо по чьей-то небрежности, халатности или злему умыслу, иногда политическому, надолго исчезают из культурного пространства, а то и вовсе уничтожаются. Впрочем, это касается исторических событий и не столь далекого прошлого, которые для многих ныне живущих были совсем недавно настоящим.

Взять, к примеру, высадку первого человека на Луну. По официальной версии NASA оригинальные пленки видеозаписи этого события эпохального значения были ликвидированы после перенесения бесценной информации на более современные информационные носители. Если учесть, что новейшие компьютерные анимации практически невозможно отличить от документальной съемки, то, естественно, у многих возникает сомнение в том, посетил ли в действительности американский астронавт Луну или мы имеем дело с обыкновенным виртуальным розыгрышем с соответствующим политическим подтекстом? Перечень примеров недопустимого обращения с материалами, которые для историков будущего могли бы стать уникальными артефактами, можно легко умножить (таинственное исчезновение рукописи «Тихого Дона» М.А. Шолохова, пропажа оригинала Беловежских соглашений и др.).

Научно-исследовательская работа на рассматриваемом этапе исторического познания имеет множество нюансов. Но здесь не ставится задача поиска ноуменальной, сущностной стороны исторического события. Это компетенция познавательной деятельности по превращению факта 2 в факт 3.

3. Факт 3 (назовем его интерпретированным фактом) является специфическим теоретическим конструктом, высвечивающим «семантические узлы» объективной логики социального развития. При его формировании на информационной основе своего предшественника главные гносеологические усилия направлены на концептуальную репрезентацию исторического прошлого, представление его смыслового, идейного содержания настоящему посредством сложных интерпретационных процедур.

Интерпретация – это отрефлексированное прошлое, понимание однажды произошедшего, его понятийное объяснение, мысленное схватывание сущности, выявление мотивов совершаемых поступков и действий. Чтобы интерпретация была корректной, она должна отразить тот подлинный смысл, «который вкладывали в свои действия непосредственные участники исследуемого события прошлого» [4, с. 147]. Как отмечал И. Кант, какое-то социальное действие со стороны может выглядеть как проявление принципов долга и честности.

В действительности же бывает, что оно совершено «просто с корыстными целями» [5], потому является суррогатом нравственности, ее формальным подобием (например, благотворительность ради создания позитивного имиджа бизнесмена). Что касается репрезентации, то она есть завершающий этап интерпретации. Это демонстрация исторических событий с помощью естественного или искусственного языка в очищении от всего случайного, поверхностного, затемняющего или искажающего суть однажды случившегося, его своеобразное моделирование в соответствии с принципом взаимосвязи живого созерцания и абстрактного мышления.

В качестве аналогии сошлемся на процесс формирования научных фактов в естествознании. Так, видимое движение Солнца по небесной сфере в дневное время суток есть неосмысленный факт 2, кажимость. Фактом 3, по принятой нами терминологии, будет обращение Земли вокруг Солнца по орбите радиусом приблизительно 150 млн км со скоростью около 30 км в час. Данный онтологический феномен, который, кстати, тоже имеет свою событийную историю, сегодня легко поддается идеальным интерпретационным и материальным репрезентационным процедурам (последние, естественно, не применимы к социальному бытию минувших дней, ибо оно не поддается инверсии).

В конечном итоге целостный исторический факт выступает в виде органического единства онтологической и гносеологической проекций познаваемых событий прошлого. Его формирование совершается по внешне простой, но содержательно очень сложной схеме. Вначале устанавливается достоверность возникновения нового

значимого элемента историко-социального бытия (выясняется, как говорил М. Горький, «а был ли мальчик?»); если историческое событие действительно имело место, то как оно по свидетельству участников, очевидцев и ряду других прямых и косвенных источников выглядело?; какими являлись идеальные схематизмы его генезиса и развития или, если прибегнуть к современной философской терминологии, каковы были «паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий субъектов социального процесса»? [4, с. 148].

Так, для получения внешне-бытийной и идейно-смысловой картины октябрьских событий в Петрограде 1917 года приходится преодолевать множество различных препятствий. В частности, нужно установить, был ли легендарный выстрел Авроры боевым или холостым? Существовали ли знаменитый штурм Зимнего или свержение Временного правительства происходило весьма спокойно и даже прозаично? Переодевался ли Ф. Керенский в женское платье или это выдумка? Наконец, это была закономерно возникающая пролетарская революция или случайное, по сути дела, невероятное стечение различных обстоятельств, которыми мастерски воспользовались большевики и совершили неожиданный государственный переворот с насильственным захватом власти? И если на первые вопросы (как, впрочем, и многие другие данного типа) сегодня имеются достаточно убедительные ответы, то последний является объектом острых научных и политических дискуссий.

Коллективная историческая память, являющаяся хранителем сведений об исторических событиях прошлого, при умелом обращении с ней способна обеспечивать «опережающее отражение» возможных сценариев развития настоящего и становления нового будущего. Как подчеркивает М.А. Барг, человек может уверенно идти вперед «только в том случае, если его мысль оглядывается назад» [6, с. 13]. Это касается и всего общества. Гегелевское фрактальное «погружение в основания» обогащает историческую память, которая выступает «не только как фактор стабильности и интеграции общества, но и как средство социальных изменений, как движущая сила давно назревших общественных перемен и трансформаций» [7, с. 129]. В ходе подобной рефлексивной деятельности некоторые события прошлого, представленные в форме исторических фактов, превращаются в специфические символы.

Понятие «символ», как и любая универсалия культуры, не поддается однозначному определению. Андрей Белый в 1910 году насчитал 23 существующие дефиниции данного концепта,

а А.Ф. Лосев после их обстоятельного логико-семантического анализа дал еще десяток собственных [8]. В «Новейшем философском словаре» предложена предельно широкая формулировка символа как понятия, фиксирующего «способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать (в контексте социокультурных аксиологических шкал) идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия» [9, с. 899]. Если переложить сказанное на более простой язык, то можно дать следующую рабочую дефиницию: «Символ – это вещь, награжденная смыслом» [10, с. 77].

Символ, содержание которого в емкой понятийной форме выражает сущность исторических событий прошлого, является необычайно сложным структурно-функциональным образованием. Органическое слияние в нем предметного образа и эксплицитного смысла, интуитивного и дискурсивного, чувственного и рационального приводит к тому, что факт 3 при наличии соответствующей информационно-пропагандистской и идеологической поддержки превращается, как отмечал А.Ф. Лосев, в «знак, который волнует умы», становится «не просто знанием, но конструктивно-техническим принципом для человеческих действий и волевой устремленности» [8, с. 30]. Не случайно поэтому подобные синергетические конструкты втягиваются в орбиту острых политических и этно-конфессиональных баталий, подвергаясь не только мощному идеологическому давлению, но временами осквернению и даже физическому уничтожению.

В данной связи на интересном примере останавливается М. Стингл [11, с. 41–42]. Проводя раскопки на месте проживания древних «ягуарьих индейцев» (Центральная Америка), археологи обнаружили множество обезображенных скульптур. Это было дело рук неизвестных мятежников, которые «казнили» статуи небольших размеров – отсекали им головы. А поскольку у огромных каменных изваяний гигантские головы нельзя было отрубить, то их лица были изуродованы шрамами. Такое агрессивное-деструктивное отношение к историческим символам, которые не вписываются в матрицу ценностных ориентаций властных структур, наблюдается и в современном мире, в том числе и у наших ближайших «цивилизованных» европейских соседей.

Одна из характерных особенностей исторических символов состоит в том, что они имеют аксиологическую окраску. Большинство заметных событий прошлого является результатом взаимодействия социальных субъектов, пытающихся удовлетворить свои интересы и потребности. Последние соответствуют их жизненной правде, в соответствии с которой будущее всегда

оценивается с позиции должного. Поэтому один и тот же интерпретируемый исторический факт необходимо проецировать на ценностные шкалы участников социальных действий. Это позволяет выявить смысловую, паратеоретическую раздвоенность исторического события: законное, правомерное, справедливое для одних не считается таковым для других. Выпячивание в политических целях какой-то одной из сторон и наделение с помощью новейших информационных технологий символической энергетикой чревато расколом общества. В целях консолидации различных социальных слоев необходимо искать исторические факты, которые имеют не узкосоциальное, а общенациональное звучание, символически объединяя разделенных пространством и временем многочисленных «Я» в целостное «Мы».

После распада СССР потребность поиска подобных объединяющих «исторических аттракторов» остро встала практически перед всеми молодыми государствами, появившимися на постсоветском пространстве, в том числе и перед государством белорусским. Эпизоды исторического прошлого, способные стать синергетическим притягательным центром, должны соответствовать ряду требований. Основное среди них – быть выразителем ментального духа народа и, как следствие, приниматься в качестве общезначимых символов если и не всеми, то, по меньшей мере, абсолютным большинством носителей исторического сознания. При этом очень важна их одинаковая привлекательность как для молодого, так и старшего поколения людей.

Социологические опросы, в том числе и проведенные кафедрой социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова в рамках исследования состояния исторической памяти белорусов (БРФФИ, договор № Г 15-130 от 4 мая 2015 г.), свидетельствуют, что самым рейтинговым событием, которое вызывает чувство гордости за свой народ, является победа над фашизмом в Великой Отечественной войне. Оценочная память о ней среди жителей нашей страны (в отличие от таких важных событий в истории Беларуси, как, например, Октябрьская революция 1917 года, образование БНР и БССР, принятие Декларации о Независимости и Конституции Республики Беларусь и др.) является достаточно целостной и не порождает противоречивых интерпретаций. В массовом сознании и старшего, и молодого поколения война выглядит как тяжелейшее испытание белорусского народа, который проявил в это время свои лучшие ментальные качества, чудеса стойкости и героизма.

Укреплению таких представлений способствует весь официальный исторический дискурс страны. Огромный вклад в символизацию героики этого эпохального события вносит объеди-

нение двух главных государственных праздников – Независимости и Освобождения страны от немецко-фашистских оккупантов в один. Приданию символу Победы национального колорита помогает концентрация исторической риторики на подчеркивание важной роли белорусского народа в разгроме немецкого фашизма [12]. И это дает ощутимые результаты. Как отмечает А.Л. Ластовский, «историческая память о Великой Отечественной войне является ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси» [12, с. 93].

Для оценки персонального вклада известных исторических личностей в развитие белорусской государственности и культуры предлагались имена Всеслава Чародея, Витовта и Ольгерда, Ефросиньи Полоцкой, Франциска Скорины, Кириллы Туровского, Тадеуша Костюшки, Кастуся Калиновского, Максима Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа, П.М. Машерова и др. Обнаружено, что абсолютное большинство опрошенных наиболее положительно воспринимает историческую роль выдающихся просветителей Франциска Скорины и Ефросиньи Полоцкой. Причем оценка их значимости практически полностью лишена негативных коннотаций как у «отцов», так и «детей». Все это говорит о том, что именно данные исторические персоналии могут быть одним из важных объединительных символов, конституирующих национальную и гражданскую идентичность современных белорусов.

В данной связи отметим следующий факт. При проведении всероссийского конкурса «Имя России» победителями последовательно стали Александр Невский, Петр Столыпин и Иосиф Сталин. В Германии соответственно – Иоганн Гёте, Мартин Лютер и Карл Маркс. Во время пребывания патриарха Кирилла в Витебске в 2009 году ему был задан вопрос: «Кого бы Вы назвали первым именем Беларуси?». После небольшого раздумия патриарх ответил: «Пожалуй, Ефросинью Полоцкую». К сожалению, для увековечения памяти выдающихся белорусских просветителей и популяризации их идей сделано недостаточно. В Польше, например, в каждом крупном городе, да и во многих населенных пунктах районного уровня, есть улица, названная именем Николая Коперника. А ведь наш земляк Франциск Скорина, личность и дела которого популяризируются не столь масштабно, как он этого заслуживает, ничуть не уступает по моще своего таланта гениальному польскому ученому. Так, белорусский философ Владимир Агиевич, который значительную часть своей творческой жизни посвятил расшифровке символики известной гравюры Скорины, пытается доказать, что «великий

Полочанин» на эзотерическом языке (возможно, опасался гонений инквизиции) изложил основы гелиоцентрической системы мира. И сделано это было намного раньше Николая Коперника. Не исключено, что это пока что интересная гипотеза, но знать ее было бы весьма полезно всем белорусам, особенно учащейся молодежи [13].

При исследовании состояния исторической памяти респондентов выявлено наличие у них достаточно смутных представлений о досоветском прошлом страны. И это касается не только старшего, но и молодого поколения, в том числе и студенческой молодежи. Подобное обстоятельство должно настораживать, ибо слабое «знание жителями Беларуси истории своей страны до начала XX века можно трактовать как “чистую доску”, которая может быть заполнена сконструированной памятью...» [12, с. 98]. На пустом «историческом поле» при соответствующей идеологической обработке, особенно в кризисные времена, может взойти весьма опасный «синергетический аттрактор». Наполнение его с помощью новейших политтехнологий деструктивной социопсихологической энергией масс в состоянии круто изменить траекторию общественного развития. Яркий тому пример – события в соседней Украине, в которой за относительно короткое время с помощью переписанных учебников истории и активной работы СМИ удалось создать в лице России образ врага украинского народа во все времена его существования.

Символы антироссийской направленности в принципе можно сконструировать и в Беларуси на материале таких эпизодов ее истории, как, допустим, известная битва под Оршей, походы князя Ольгерда на Москву, восстание под предводительством Т. Костюшки, казнь в Вильно К. Калиновского, репрессии «белорусских нацдемов» в 30-е годы XX века и др. В соответствующих социально-политических условиях и при активной пропагандистской «раскрутке» они могли бы самым негативным образом повлиять на интеграционные процессы Беларуси и России. Поэтому взятый курс двух государств на всестороннее единение братских народов, конечно, если это, как говорил известный политик, задумано «всерьез и надолго», нуждается в обстоятельном историко-идеологическом обеспечении. Особую роль здесь должны сыграть школьные и вузовские учебники истории. Они должны опираться на прочный и семантически прозрачный исторический фундамент, лишенный недоговоренностей, ложных стереотипов и «белых пятен».

При конструировании образа своего исторического прошлого любой народ должен сегодня привлекать контекст если и не глобального, то смежного историко-дискурсивного простран-

ства. В современном информационном мире любая локальная история пишется как бы на глазах всего человечества, по крайней мере, соседей [7, с. 130]. Утаить здесь ничего нельзя. Для создания позитивного международного имиджа страны и укрепления нравственного здоровья общества необходимо фокусировать массовое сознание не только на героических событиях и достижениях культуры прошлого, но и на тех эпизодах истории, которые порождают чувство горечи, а, нередко, и стыда за содеянное предшественниками (жестокое «раскулачивание» трудолюбивых крестьян, разгул антирелигиозного безумия с актами вандализма и др.). Это тоже «Мы» и перекладывать всю вину на внешних «Они», что часто делается, недопустимо. Реанимация памяти о «неудобных» исторических фактах – важное средство национального катарсиса.

Заключение. Следовательно, исторические события после их фиксации и последующей интерпретации и репрезентации превращаются в «упрямые» научные факты, которые являются инвариантами коллективной исторической памяти. При наличии добротной знаково-символической упаковки и надлежащем идеологическом обеспечении они могут успешно выполнять интеграционные, мобилизующие и ценностно-ориентирующие функции. При этом очень важно, чтобы исторические факты всегда рассматривались в единстве онтологического, гносеологического и аксиологического измерений, были защищены от фальсификаций, а скрытая в них символическая энергетика направлялась в гуманистическое русло.

Литература

1. Исторический факт, его понятие и описание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istoricheskij-fakt...ponyatie...opisanie.html>. – Дата доступа: 17.02.2018.
2. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
3. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
4. Табачков, А.С. Метатеоретическая репрезентация исторического прошлого / А.С. Табачков. – Минск: РИВШ, 2009. – 242 с.
5. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант // Сочинения: в 6 т. – М., 1965. – Т. 4, ч. 1. – С. 232–233.
6. Барг, М.А. Историческое сознание как проблема историографии / М.А. Барг // «Цель времен»: проблема исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. – М., 2005. – С. 12–37.
7. Капитонова, Т.А. Современные тенденции в исследованиях исторической памяти: философско-методологические аспекты / Т.А. Капитонова, В.А. Белокрылова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2017. – Т. 23. – С. 126–131.
8. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1976. – 367 с.
9. Радионова, С.А. Символ / С.А. Радионова // Новейший философский словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с.
10. Маслова, В.А. Поэтический текст как объект филологического анализа / В.А. Маслова. – Минск, 1999. – С. 208.
11. Стингл, М. Тайны индейских пирамид / М. Стингл. – М.: Прогресс, 1982. – 126 с.
12. Ластовский, А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А.Л. Ластовский // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 4(102). – С. 88–99.
13. Агіевіч, У.У. Сімволіка гравюры Скарыны / У.У. Агіевіч; НАН Беларусі. – Мінск: Беларуская навука, 1999. – 319 с.

Поступила в редакцию 29.03.2018 г.